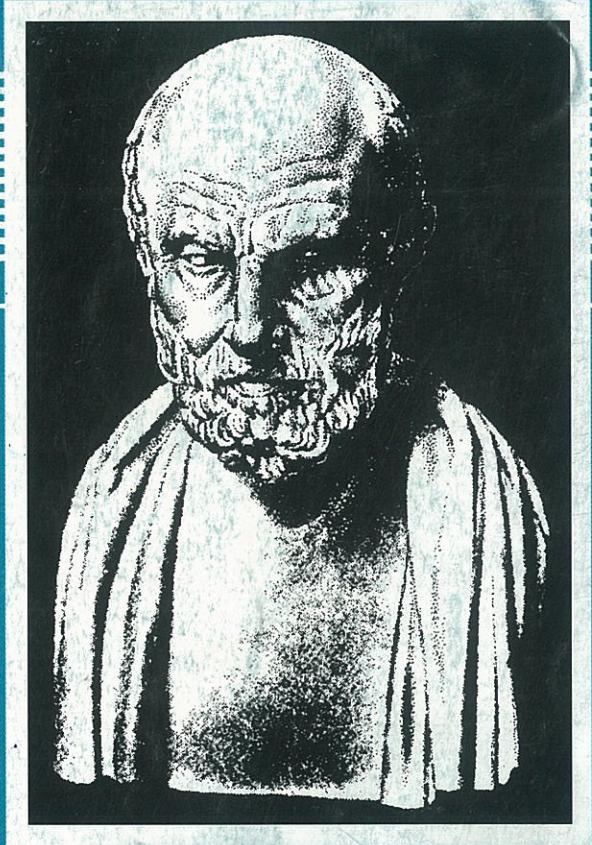

1

(6)

2002

ВЕСНИК

ГИППОКРАТА

**ВАЛЕНТИН ФЕЛИКСОВИЧ ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ –
АРХИЕПИСКОП РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
И ПРОФЕССОР ХИРУРГИИ**

*Из книги канд. мед. наук В.А. ГЛУЩЕНКОВА
«СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА. ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ»*

Хирург, о котором пойдет речь, не погиб в острогах и ссылках, хотя прошел все круги ада. Хирург, писавший научные труды в тюремной камере, он не только дождался их издания (1934, 1946, 1956 гг.), но и получил за них при Сталине Сталинскую премию I (высшей) степени. Академик Кассирский писал:

«...Все в этом человеке было прозрачно, светло. Тем более оставалось непостижимым, как в нем уживаются две личности – ученый-естествоиспытатель, активный хирург, борец против болезней и смерти, «посыпаемых людям по воле божьей и служитель бога, веры, строящие соблюдавший все догматы религии».

По его книгам учились, учатся и будут учиться российские хирурги. При этом он одновременно был профессором хирургии и архиепископом Русской Православной Церкви. Этот человек надел крест в пору, когда многие срывали с себя церковные регалии, когда на стенах домов висели плакаты: «Поп, помещик, белый генерал – злые враги Советской власти!».

Родился Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий в Керчи в 1877 году в семье провизора. Его отец был ревностным католиком. Мать – православного вероисповедания. С детских лет юноша отличался природной впечатлительностью и упорно осваивал в Киево-Печерской лавре технику рисунка, запечатлевая с натуры паломников и богомольцев, отличался ярким художественным талантом, прекрасно рисовал. Сам он считал, что если бы не оставил живопись, то пошел бы по пути великих русских живописцев В.М. Васнецова и М.В. Нестерова, ибо уже ярко определялась основная религиозная тенденция в его занятиях живописью. Правильное представление о Христовом учении вынес из усердного чтения Нового Завета, который по добруму старому обычанию получил от директора гимназии при вручении аттестата зрелости как напутствие в жизнь.

Валентин поступил в Киевский университет – «изучать медицину».

Началась русско-японская война – и в 1904 году молодой врач добровольцем отправился на фронт. Здесь он познакомился со своей будущей женой – сестрой милосердия Анной Ланской.

В октябре 1917 года Войно-Ясенецкие переехали в Ташкент, где Валентин Феликсович получил место главного врача и хирурга городской больницы. Переезд на юг был обусловлен болезнью жены, страдавшей туберкулезом.

В ноябре 19-го года от скоротечной чахотки жена Валентина Феликсовича умерла.

На церковный съезд Туркестана в конце 1920 года он попал просто как верующий православный и только потому, что положение дел в Ташкентской епархии казалось ему удручающим. Так они и охарактеризовал это в своей страстной речи. А после заседания епископ Иннокентий Пустынский подошел к нему и сказал: «...Доктор, вам надо быть священником».

Посвящение его произвело сенсацию в Ташкенте. Сам Войно в своих воспоминаниях объяснил это так: «...при виде антирелигиозных карнавалов, издевающихся над Господом нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало: не могу молчать! Я чувствовал, что мой долг – защитить проповедью оскорбленного Спасителя Нашего».

Русская Православная церковь переживала тяжелейший кризис. Поставленная вне закона, она день ото дня теряла не только верующих, но и священников.

В Ташкенте, где еще вчера не существовало никакой церковной власти, во главе ее нерушимо встал сторонник арестованного патриарха Тихона.

Именно в это время 46-летний Войно, приняв обет монашества, навсегда отрезал себе доступ к мирским радостям. Сильный Епископ Андрей Уфимский (Ухтомский), проживавший в то время в Туркестане, совершил иноческий постриг отца Валентина с наречением ему нового имени, говорил, что хотел дать доктору имя великомуученика и врача Пантелеимона – одного из самых почитаемых святых в Русской Православной церкви, покровителя врачей. Но затем нашел, что гораздо более подходит имя Апостола, Евангелиста, врача и художника Луки.

Следующий шаг – принятие епископской митры – почти наверняка вел к аресту и ссылке. Лука был отцом четверых детей. Ему напоминали об этом друзья, сотрудники, близкие. Но Войно остался непреклонен. Решив стать епископом Туркестанским, он открыто избрал путь мученичества (прямого подражания Христу).

После пострига Валентин Феликсович не оставил преподавания на медицинском факультете. Слушать лекции приходили во множестве студенты других курсов, врачи города. Читал лекции Войно очень спокойно, с достоинством. Усевшись за кафедрой в рясе со сверкающей панагией на груди, вынимал белоснежный платок, протирал очки и, взяв в руку указку, методично начинал говорить о мышцах, нервах, сосудах.

Какой бы ни был церковный праздник, вспоминают ученики, какую бы службу он ни служил, если возникла необходимость экстренной консультации, Войно тут же поручал литургию другому священнику и незамедлительно выезжал к больному.

Каждую минуту ожидая ареста, епископ

Туркестанский и Ташкентский внушал верующим страстную ненависть к церковному расколу, сотворенному «живоцерковниками». Своими посланиями к верующим, проповедями он вдребезги разнес общественный покой в столице Туркестана.

Войно арестовали и обвинили в антигосударственных сношениях с оренбургскими казаками. Во время следствия Валентин Феликович закончил работу над своей книгой о гнойной хирургии. На заглавном листе он написал: Епископ Лука, «Очерки гнойной хирургии». Так удивительно сбылось таинственное и непонятное Божье предсказание об этой книге, которое он получил в Переславле-Залесском несколько лет назад: «Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа».

Владыка был осужден и выслан в Сибирь. Ссыльный епископ стал захватывать закрытые властями храмы и служить в них. Луку вызывали в местное ГПУ, держался он с достоинством. Заявил, что виновным себя не считает и впредь намерен возносить хвалу Богу в специально построенных для этого храмах, и, как говорят, добавил, что единственными хозяевами над собой признает Бога и Патриарха.

Операции Луки привели, однако, к последствиям самым неожиданным. Выдающегося хирурга выслали в глухую деревню. Неудовольствие Енисейского городского начальства сомкнулось с раздражением местных медиков, у которых Войно попросту отбил пациентов:

Енисейские врачи стали лицемерно жаловаться властям на «попа», который производит «безответственные операции». Луку арестовали и отправили еще дальше, на Ангару.

В дальнейшем Владыка был сослан в Туруханский край на Енисей. Войно сам описал свое появление в краевом центре: «...В Туруханске, когда я выходил из баржи, толпа народа вся опустилась на колени, прося благословения». Но и здесь власть придержающие недолго терпели ссыльного епископа. Его вызвали в ГПУ, где встретили с большой злобой и сказали, что он должен немедленно ехать дальше от Туруханска, на сорок – 30 минут. Войно спросил – «Куда ехать?» – «На Ледовитый океан», – со злорадством ответили ему.

Доктору предстояло сгинуть среди ледяного безмолвия. «В пути по замерзшему Ени-

сею в сильнейший мороз, – писал Владыка позднее, – я почти реально ощущал, что со мной Сам Господь Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня».

Всякого другого жизнь в таком жестоком крае повергла бы в тоску. Но Лука и здесь выполняет свой долг доктора и священника. Проповедует Евангелие крестьянам, крестит младенцев (250 км за Полярным кругом), оперирует больных.

В Ташкент Войно возвратился в 1926 году. Был лишен церковной и университетской кафедр, работы в хирургическом отделении. Но Валентин Феликович не может сидеть без дела. Он продолжает работать над монографией, служит в храме как рядовой священник, лечит дома больных. Отлученный от какой бы то ни было общественной деятельности, ни на что не претендующий, не очень разговорчивый, Лука притягивал к себе окружающих. По воспоминаниям современников, из церкви, после литургии, его провожала большая толпа народа. Люди шли молча. Недосаждая Владыке просьбами и пустой болтовней.

В 1930 году епископ Лука вновь арестован по вздорному обвинению. Приговор – три года ссылки в Архангельск.

К осени 1930 года в урезанном виде наконец вышла книга его жизни. После десяти лет изгнания и ссылок, непризнания он вновь заявил о себе как пионер малоизученного раздела медицины – так горячо любимой им хирургии! Ему казалось, что теперь никто не сможет закрыть перед ним дверь операционной или студенческой аудитории.

Власти смирились с наличием в Туркестане профессора-епископа. Валентин Феликович служит в храме, много оперирует. Проводит патологоанатомические конференции. На разборы в секционный зал собираются врачи всех отделений. Прежде чем начать конференцию, профессор произносит: «Мы собрались сюда не для того, чтобы кого-то ругать или кого-то судить, а для того лишь, чтобы выяснить, чего мы, врачи, в своей работе недоделали, что сделали не так как надо. Наша цель – не повторять ошибок, допущенных нами при лечении этого нашего пациента». Профессор сам исследовал труп больного.

13 декабря 1937 года Валентин Феликович вновь арестован и был приговорен к высылке в Сибирь на три года. Местом ссылки

был определен поселок Большая Мурта. Там ему дали комнату при районной больнице, и ссыльный профессор мог под наблюдением главного врача, партийца, оперировать больных.

Зависть и недружелюбие местного главного врача и его жены искупались добрым отношением сестер и санитарок, больных, которые ехали к Войно со всей Сибири. Врачи жаловались на распоясавшегося «врага» народа в райком, но его защитила Хирургия. В райкоме и местном отделении службы безопасности знали: ответственные работники красноярского НКВД несколько раз приглашали Войно на операции в столицу края, а вскоре начальнику муртинского НКВД пришел приказ, предписывающий ссыльному выехать в Томск.

В Томске Валентин Феликович часто встречался с профессором Виктором Павловичем Миролюбовым.

Профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий готовил второе издание «Очерков гнойной хирургии».

С началом войны Войно написал письмо в Наркомздрав профессору Н.Н. Бурденко как главному хирургу армии с просьбой о представлении консультантской работы по лечению раненых. И осенью 1941 года ссыльный профессор Войно-Ясенецкий «передавался» в госпиталь 1515 в Красноярске.

Весной 1943 года Священный Синод Русской Православной Церкви при Местоблюстителе Патриаршего престола митрополите Сергии приправлял лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и возвел Луку в сан архиепископа с назначением на Красноярскую кафедру.

После окончания ссылки Войно был назначен архиепископом тамбовским и мичуринским в области, где до революции было сто десять храмов, а стало лишь два. В Тамбове Владыка много оперировал и проповедовал.

Последовавшее вскоре избрание Патриарха и Священного Синода имело свои последствия и для Войно. Его избрали членом Синода. Статьи советских писателей о нем появились на западе. Словом, страна «стального занавеса» старательно демонстрировала миру, пусть и запоздалое, на замирение с церковью. И здесь фигура профессора-хирурга и архиепископа с бриллиантовым крестом на клобуке и со сверкающей панагией на груди, да еще и лауреата Сталинской пре-

мии I степени, была чрезвычайно привлекательна для Запада.

Первые порывы холодного политического ветра Лука испытал еще в 1946 году. Ему запретили выступать перед хирургами в духовном облачении. В 1946 году 69-летнего архиепископа по настоянию уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Патриарх вынужден был перевести в Симферополь.

Войно приехал в места, где недавно прошла война, край разорен. Время было голодное. Но на Госпитальной улице, 1, готовы оказать помощь любому, кто за ней обращался. Обед на архиерейской кухне готовился на 15–20 человек ежедневно. На обед приходило много голодных детей, одиноких старых женщин, бедняков. Сам Владыка ел только насущное.

В делах епархиальных был строг: неуклонно требовал, чтобы священники всегда носили присущую их сану одежду, наказывал священнослужителей, бреющих бороду, курящих.

В Симферополе Лука закончил новое издание «Регионарной анестезии». Много оперирует и консультирует в военном госпитале – до 1953 года, когда ослеп. Лука хочет жить активно, учится передвигаться и ощупью подпывает бумаги, приготовленные секретарем.

Войно писал сыну: «Угасает моя хирургия... Я принял как Божию волю быть мне слепым до смерти, и принял спокойно, даже с благодарностью Богу. Слепота не помешает мне оставаться до смерти на своем посту».

Все чаще задумывается Войно над философскими целями науки. Он пишет старшему сыну Михаилу: «...непременно хочу написать книгу о Духе и теле». Его начинает очень интересовать эстетическое лицо авторов научных исследований. Теперь он с удовлетворением замечает у профессора Юдина не только талант хирурга, но и обостренный эстетизм, тяготение к проблемам философским, метафизическим, религиозным. Архиепископ собирает библиотеку, цель которой – подготовиться к полемике с философией советских вождей – диалектическим материализмом. Более того, о материи, природе, сущности жизни и бессмертии человека он собирается говорить публично. В пору, когда миллионы людей из года в год как молитву зазубривали основополагающие идеи классиков марксизма о первичности материи о том, что наших пяти органов чувств за глаза хватит для открытия всех тайн мира. Этот

«безумный» Лука позволяет себе не только сомневаться в святости идей Маркса-Энгельса-Ленина и главное – товарища Сталина! Он хочет писать о том, что в мире все обстоит не так, как написано в учебнике, утвержденном ЦК большевиков. Он хочет утвердить богословские истины с помощью фактов науки; да об этом и думать никто не смел! В советские времена таких книг просто не было. Автору «О духе, душе и теле» предстояло первым пройти этот путь.

В конце XX века религия и наука обнаруживают все большую тенденцию к сближению, они уже начали свой диалог о тех предметах, которые были до недавнего времени монополией чистой метафизики. И здесь в первую очередь следует сказать о душе. Ведь именно ее отсутствие обнаруживается на смертном одре. Человек имеет душу и тело. В земных условиях они соединены и живут вместе, но они неразделимы. Все мировые религии учат о бессмертии души. Но лишь христианство с полной непрекращаемостью утверждает всеобщее телесное воскрешение – соединение бессмертной души с преображенной плотью.

Профессор Войно-Ясенецкий пишет: «...Уже во времена древних греков слово Сог, Сократа означали не только сердце в прямом значении, но и душу, настроение, взгляд. Иннервация сердца поразительно богата и сложна. Оно все оплетено сетью волокон симпатической нервной системы и через нее теснейшим образом связано с головным и спинным мозгом. Целую систему церебральных волокон получает оно от блуждающего нерва, по которым передаются ему многосложные взаимодействия центральной нервной системы: а весьма вероятно, получаются мозгом центростремительные импульсы от сердца. Наши анатомо-физиологические знания о сердце побуждают нас считать сердце важнейшим органом чувства, а не только центральным мотором кровообращения». Архиепископ цитирует Евангелие, говоря о том, что сердце – горница души. Воздействие на сердце духа сатаны рождает в нем смутную тревогу, какое-то жжение. Холод, безотчетное беспокойство. «Ах какая тоска, – восклипал Александр Пушкин, умирая, – сердце изнывает!..»

«Желаниями и стремлениями сердца определяется все: поведение человека, выбор жизненного пути. Именно оно, по Священному писанию, мыслит, размышляет и познает,

сердце – горнило чувств и воли». И более того, сердце, по Священному Писанию, есть орган высшего познания. Оно веселится, радуется, скорбит, терзается, волнуется и кипит, рвется от злобы, оно смущается, в нем гнездится гнев». Священное Писание говорит нам о сердце гораздо больше. Ему придается значение не только центрального органа чувств, но и важнейшего органа познания, органа мысли и восприятия духовных воздействий.

С особой охотой и удовольствием Лука сообщает о трансцендентальных способностях человеческого духа: «...Мы обладаем не только пятью чувствами. Есть у нас способности и восприятия высшего порядка, не известные физиологам». «...Дух есть сущность человека. Но сущность эта может отделяться от нас при жизни и после смерти может приобретать материальное человеческое подобие независимо от нашего тела...»

Войно в книге «О духе, душе и теле» пишет: «Как это ни сомнительно для неверующих, мы утверждаем, что сердце может воспринимать определенные внушения, прямотаки глаголы Божии. И это не только удел святых. И я, подобно многим, не раз испытывал это с огромной силой и глубоким душевным волнением. Читая или слушая слова священного Писания, я вдруг получал потрясающее ощущение, что это слова Божии, обращенные непосредственно ко мне. Они звучали для меня как гром, точно молния проносила мой мозг и сердце».

Лука писал свой труд совершенно спокойно, раскованно, говорил своим близким, что ценит книгу «О духе, душе и теле» выше своих прежних хирургических книг. Считал, что книга его «имела бы огромное значение в деле религиозного просвещения отпавших от веры или никогда не знавших ее, если бы могла быть напечатанной».

Современник Войно академик И.А. Касирский писал: «Духовная драма В.Ф. Войно-Ясенецкого состоит в том, что он принял христианские догматы религии, а будучи человеком честным, не мог не понимать, что религиозное мировоззрение поддерживается при помощи постулатов, лишенных доказательств. Как ученый он конечно знал, что наука противопоставила ветхозаветным и евангельским легендам обожествленном происхождении мира идею всеобщей закономерности, господствующей в природе. Где коренился

причина раздвоения его личности? Не остались ли нераскрытыми многие грани его научного таланта вследствие того, что годы апостольского служения унесли силу и жар его сердца». Как могло случиться, чтобы одна и та же рука водила пером при написании глубоких научных «Очерков гнойной хирургии» и религиозной книги «О духе, душе и теле»?

Иосиф Абрамович в 50-х годах беспокоится о духовной драме Валентина Феликсовича. Валентин Феликсович еще в 1918 году говорил о духовной драме общества, в котором были отринуты тысячелетние этические нормы и на поверхность вышло все самое темное, что есть в человеке. А страна получила в качестве храма мавзолей с боголениным. Во времена революции Иван Павлов, ужасаясь тому что происходило с людьми, говорил о том, что крайне необходимо подвести мораль под действие народных масс. Но кто тогда слушал Нобелевских лауреатов, кто слушает их сейчас. Страна с «кипящим от возмущения разумом» стремилась все разрушить до основания, а затем... А что было затем? Мы прекрасно знаем...

Валентин Феликсович сам ответил на этот вопрос, сказав, что он сделал бы гораздо больше, если бы власти 11 лет не таскали его по острогам и ссылкам. Карательная машина государственных репрессий преследовала Владыку на протяжении лучшего периода его жизни, для творческой активности и обобщения духовного научного опыта просто не было условий. Ему было отказано в открытии института гнойной хирургии. Комиссар просвещения А.В. Луначарский в своем письме к Луке сообщил, что государственное издательство не может издавать книги епископа. Между тем за его книгами доктора из очереди в книжный магазин не уходили домой на ночь, желая обязательно иметь их у себя.

Его пытались заставить прекратить церковную деятельность, помещая в тюрьмы, отправляя в ссылки, соблазняя избранием в Академию медицинских наук. Но Лука, как всегда отвечал отказом. Он ни разу не ревизовал свои моральные принципы, основанные на христианстве.

Владыка закончил свою земную жизнь 11 июня 1961 года. На церковном календаре значился день всех святых, на земле Российской просиявших. На надгробье великого хирурга и священника высечено:

Архиепископ Лука. Войно-Ясенецкий. Доктор медицинских наук. Профессор хирургии. Лауреат.

Чудеса исцелений душевных и телесных недугов, во множестве происходившие на могиле святителя Луки, всенародное почитание крымского архиепископа подвигло священноначалие Православной Церкви к внимательному изучению его жизни и творений. В результате деятельности епархиальной комиссии по канонизации святых было составлено житие святителя, а также служба и акафист. Написана икона.

Определением Синода Украинской Православной Церкви от 22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука причислен к лику местночтимых святых.

В некрологе, помещенном в «Журнале Московской Патриархии», Русская Православная Церковь так почтила память архиепископа Луки:

«Жизнь его угасала в преклонном возрасте, после продолжительной болезни, исподволь подточившей его физические силы и подготовившей дух его к непостыдной мирной христианской кончине. До конца дней своих он сохранил живую, отзывчивую, обаятельную душу. И вот время отшествия его наступило. Он ушел от нас, чтобы представать перед Господом и дать ответ за себя и за свою многочисленную паству».

Отныне каждое утро в 7 часов в кафедральном Свято-Троицком соборе Симферополя совершается акафист Святителю у его раки.

Высокопреосвященный Владыка Лазарь освятил место в поселке Кацивели для строительства храма в честь Святителя Луки.

В августе 2000 года на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви архиепископ Симферопольский Лука причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских для общечерковного почитания.

Частица мощей великого хирурга находится и у нас на Дону в Храме во Имя Донской Иконы Божьей Матери. Храм расположен на территории Свято-Донского мужского монастыря в станице Старочеркасской. На престоле этого храма находится святой антиминс с частицей мощей архиепископа Луки Туркестанского и Ташкентского, Красноярского, Тамбовского и Мичуринского, Симферопольского и Таврического профессора хирургии Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого.